

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ҚАРМИР-ВЛУРА

Раскопками 1949 и 1950 гг. были открыты и исследованы две большие кладовые (№ 25 и 28), предназначенные для хранения вина. В них были обнаружены крупные сосуды-карасы, наполовину вкопанные в земляной пол и расположенные в четыре ряда. В кладовой № 25 открыто 82 караса, а в кладовой № 28, отделенной от первой промежуточным помещением, 70 карасов. По подсчету, произведенному на основании отметок емкости на сосудах, в двух исследованных кладовых хранилось около 150 тысяч литров вина (в урартских мерах, около 600 акарки). Кладовые для вина постоянно встречаются в урартских административных центрах. При раскопках на Топрах-кале в Ване были обнаружены остатки кладовой, в которой сохранялось около 20—25 крупных карасов, по внешнему виду и по наличию на них иероглифических отметок емкости весьма сходных с кармирблурскими.

Надпись урартского царя Менуа, сына Ишпуини, найденная на холме Востан-Кая, около Мелазгерда, где в настоящее время имеются обширные виноградники, рассказывает о постройке крупной кладовой для вина, общей емкостью в 900 акарки, т. е. превышающей кармирблурскую кладовую, примерно, в полтора раза.

Текст большой таблички ассирийского царя Саргона, происходящей из города Ашура, рассказывает о винных погребах во дворце, построенном урартским царем Руса I в городе Улху. Текст описывает, как ассирийские воины, проникшие в потайные винные погреба, черпали и пили душистое вино как речную воду.

Исследование обширных кладовых урартского административного центра, города Тейшебаини, свидетельствующих о большом его хозяйственном значении, представило значительный интерес. Раскопки выяснили, что в момент гибели цитадели винные кладовые пустовали. Видимому, урартский центр находился уже в упадке и дань перестала регулярно в него поступать. Археологические материалы устанавливают, что после того, как сам город был уже взят скифами, цитадель находилась в осадном положении, во дворе ее были наспех устроены легкие жилища с большими запасами продовольствия, как в глиняных сосудах, так и в ямах. В этих жилищах разместились жители, перешедшие из неукрепленного поселения под защиту крепких крепостных стен. На время осады люди размещались также и в кладовых цитадели, наскоро приспособившая их под жилье. Пользуясь отсутствием порядка в цита-

дели, новые ее обитатели, а быть может и сами кладовщики, разграбили оставшуюся без должного надзора храмовую кладовую, растащили оттуда бронзовые высокохудожественные предметы с посвятельными надписями урартских царей богу Халди и запрятали их в разных углах хозяйственных кладовых. Именно поэтому раскопки помещений хозяйственного назначения на Кармир-блуре дали нам большое количество таких бронзовых урартских предметов, которые в мирной обстановке, в период нормальной жизни крепости, никак не могли находиться в этих помещениях.

В некоторые порожние карасы было засыпано зерно. Так, из 82 карасов кладовой № 25 в семи карасах была обнаружена пшеница, ячмень, просо, а в кладовой № 28 в четырех карасах находились зерна пшеницы, ячменя и кунжута, в пятый же была засыпана пшеничная мука крупного помола.

Во многих карасах оказывались сложенными также деревянные и костяные изделия, бусы и различные украшения, бронзовые и железные предметы, как целые, так и в виде металлического лома. Два караса кладовой № 28, в которых были сложены металлические предметы, были прикрыты сверху крупными бронзовыми щитами; отдельные предметы лежали на полу кладовой.

Раскопки Кармир-блур 1949 и 1950 гг. дали не только интересный археологический материал, но и уточнили некоторые проблемы, стоящие перед его исследователями, подтвердили целый ряд высказанных положений.

Город Тейшебаини, названный по имени бога войны Тейшебы, стал урартским административным центром во втором периоде урартской истории (VII—начало VI вв. до н. э.), в том периоде, когда Ванское царство уже потеряло первенствующее положение среди государств Передней Азии. Поражения, нанесенные ассирийцами урартам во время Сардури, сильно ослабили положение центральной государственной власти.

В последней четверти VIII в. до н. э. в Урарту произошел мятеж, поднятый против царя военачальниками, туртанами, правителями окраинных областей царства, власть которых на местах чрезмерно возросла. О ходе этого мятежа и его подавлении довольно подробно рассказывают ассирийские документы (донесения разведчиков), сохранившиеся в Ниневийском архиве ассирийских царей. В ответ на мятеж, Руса I, сын Сардури, провел реформу управления окраинными областями, выразившуюся в разукрупнении старых наместничеств, в замене крупных административных центров более мелкими.

В Закавказье, повидимому, именно в это время потерял свое прежнее положение крупнейший центр VIII в. до н. э., крепость Аргиштихинили (на Армавирском холме), значение которого при урартских царях Аргишти I и Сардури II было особенно велико. Пришли в упадок и некоторые крепости, построенные этими царями. Возможно, что именно к тому же времени следует отнести перенесение царской резиденции в

урартской столице, городе Тушпе, с Ванской скалы на высоты Топрак-кале.

На то, что исследуемое экспедицией на Кармир-блуре большое здание относится ко второму периоду урартской истории, указывает как обломок камня из стены с именем царя Русы, сына Аргишти, так и надпись этого же царя на бронзовом запоре одной из кладовых¹.

Но вместе с тем, в кладовых дворца урартского наместника, жившего в Тейшебаини, оказалось много бронзовых предметов с надписями урартских царей VIII в. до н. э. В одном из карасов кладовой, раскопанной в 1949 г., было найдено 97 бронзовых чаш с надписями четырех царей: Менау, Аргишти I, Сардури II и Русы I. Эпиграфические особенности надписей на чашах доказывают несомненную одновременность этих предметов, несмотря на большое сходство самих чаш по форме.

В 1947 и 1950 гг. в разных кладовых были обнаружены два шлема царей Сардури II и Аргишти I, являющиеся выдающимися памятниками урартского искусства. На нижних краях обоих шлемов помещены клинообразные надписи, указывающие на то, что шлемы являлись посвященными дарами богу Халди царей Сардури II и Аргишти I. Обе надписи имеют существенные эпиграфические различия и, кроме того, совершенно отличные группы иероглифических знаков, поставленных после клинописного текста и служивших, по видимому, метками мастера. Действительно, даже при беглом взгляде бросается в глаза стилистическое отличие совершенно одинаковых на обоих шлемах изображений; изготовление их различными мастерами—вне сомнений. Три бронзовых колчана, украшенных изображениями урартских боевых колесниц и всадников, а также пять бронзовых умбонов от плетеных щитов имели посвященные надписи Аргишти I и Сардури II, а три крупных декоративных щита имели на себе надписи Аргишти I (раскопки 1940 и 1950 гг.) и Русы I (раскопки 1950 г.).

Таким образом, оказывается, что все бронзовые предметы, найденные в кладовых Тейшебаини, относятся не к VII в. до н. э., как это следовало ожидать, а к значительно более раннему времени.

Казалось, что это обстоятельство противоречит принятой датировке города и цитадели Тейшебаини, заставляет постройку исследуемого на Кармир-блуре памятника отнести к гораздо более раннему времени, изменить его датировку на 100 или даже на 150 лет. Но именно в том обстоятельстве, что вся эта группа высококачественных урартских памятников целиком принадлежит выдающимся царям VIII в. до н. э., следует искать подтверждение моему мнению о принесении этих предметов после реформы административного управления в кладовые Тейшебаини из других мест, из старых административных центров, в частности, из Аргиштихинили.

Раскопки 1950 г. подтвердили это предположение. Один из карасов в кладовой № 28 оказался покрытым бронзовым щитом с надписью Ар-

¹ Кармир-блур, I, стр. 20.

гишти I, сына Менуа, указывающей, что этот щит принадлежал городу Ирпуни, который был известен по одной надписи Аргишти I из центральной части Урарту. Определение точного местоположения этого города Ирпуни не заставило себя долго ждать.

25 сентября 1950 г. на холме Арин-берд, на противоположной Кармир-блuru окраине Еревана, во время консервационных работ, производимых участниками Кармир-блурской экспедиции архитектором К. Л. Оганесяном и А. У. Погосьяном, была открыта клинообразная надпись Аргишти, сына Менуа, рассказывающая о постройке мощной крепости, названной городом Ирпуни. Даже по тексту эта новая надпись была весьма близка к надписи из центральной части Урарту, и нет сомнения, что в их основе лежит общий текст. Надпись Аргишти из Вана в заключительной своей части содержит весьма интересные сведения о том, что в новом, построенном в Закавказье городе было поселено 6.600 пленных из стран Хате и Цупани, т. е. из северной Сирии и района западной излучины р. Евфрата.

Практика переселения покоренных на далекие расстояния обычна на древнем Востоке, и указание на заселение административных центров переселенцами мы встречаем постоянно. Оказывается эта практика имела место и в Урартском государстве. Теперь нам становится совершенно понятным и характер древнего поселения у холма Кармир-блuru. Раскопки этого поселения отчетливо выявили тот факт, что его жители находились на государственном довольствии¹. В жилищах не обнаружены сколь-нибудь ощутительные следы собственного хозяйства семей, отсутствуют помещения для скота, места хранения запаса продуктов. В кварталах намечаются даже обособленные кладовые, как будто не входящие в отдельные жилища.

Я предполагаю, что в поселении у Кармир-блuru жили урартские воины с их семьями, многочисленные ремесленники, трудившиеся над переработкой громадной дани, поступающей в Тейшебаини, а также земледельцы, работавшие на полях в садах, принадлежавших Урартскому государству, о которых подробно рассказывает клинообразная надпись. Русы, сына Аргишти, из Звартноца. Естественно, что жители указанных категорий, т. е. воины, ремесленники и земледельцы, находившиеся в зависимом положении от урартской государственной власти, состояли на государственном довольствии и не имели собственного хозяйства, обеспечивавшего их существование. Поселение у Кармир-блuru было типичным городским поселением древневосточного рабовладельческого общества.

В текстах ассирийского царя Ашурнаирпала II, относящихся к постройке города Калху, говорится: «Этот город я вновь построил и в нем поселил людей, захваченных моей рукой из стран, которые я победил». Строительные надписи Синахериба и Асархаддона также постоянно приводят перечни местностей, где были захвачены пленные, участвовавшие

¹ Кармир-блuru, I, стр. 18.

в строительных работах. Ассирийские тексты и изобразительные памятники указывают на то, что переселенцы двигались из своих мест целыми обозами, со своим скарбом.

Город Тейшебаини, по материалам раскопок, выступает как крупный хозяйственный центр, в который поступала собранная в Закавказье дән, переправлявшаяся после переработки в центр Урарту. Раскопки дворца наместника в цитадели вскрыли три больших помещения, предназначенных для изготовления кунжутного масла, закрома для зерна и обширные винные кладовые. Слитки бронзы определенной формы, но различного веса, и каменные литейные формы свидетельствуют о наличии в крепости металлургического ремесла.

На четкую организацию работы и строгий учет ее указывает наличие клинописного, хозяйственного архива, обломки отдельных глиняных документов, которые были найдены в 1946 и 1949 гг. Находка буллы от папируса дает основание предположить о наличии в Тейшебаини, так же, как и в ассирийских административных центрах документов, написанных арамейским письмом. На связь Тейшебаини со странами древнего Востока указывает сравнительно большое число привезенных с юга предметов—ассирийских (цилиндрические печати, каменные бусы, металлические изделия), египетских (амулеты с иероглифами, статуэтка богини Сохмет из египетского фаянса), а также малоазийских и средиземноморских (каменные печати, золотые серьги).

Но особенно интересны культурные связи, устанавливающиеся между урартским административным центром в Закавказье и скифами. В кладовых Тейшебаини найден целый ряд скифских предметов: части конских уборов, бронзовые наконечники стрел, украшения из рога и бусы. Среди частей конского убора имеются железные удила с костяными пластинчатыми псалиями, украшенные на концах копытами (противоположные концы с головками животных не сохранились), характерные для культуры скифов Приднепровья. Обнаружен и другой конский убор с длинными железными псалиями, имевшими три отверстия, часто встречающийся среди архаических скифских памятников.

Связи скифов, даже скифов Приднепровья, с Закавказьем в настоящее время документируются уже большим археологическим материалом. Совершенно несомненно, что через Закавказье скифы получали металл и что именно этим путем шли их связи с древним Востоком. Ряд памятников архаического скифского искусства, как, например, знаменитые золотые обкладки ножен акинаков из Мельгуновского и Келермесского курганов, как удастся теперь доказать, был связан с тем искусством, которое выработалось во время походов скифов в Переднюю Азию. В этом отношении особый интерес представляет клад золотых и серебряных предметов, найденный около города Саккыза, в Иранском Курдистане¹. Среди предметов этого клада имеются изделия чисто ас-

¹ R. Ghirshman, Notes Iraniennes, IV, Le Trésor de Sakkez, Artibus Asiae, том XIII, вып. 3, 1950, стр. 181—206.

сирийские, скифские и наряду с ними те, которые сочетают характерные черты искусства древнего Востока и Скифии. К их числу относится золотая пластинка с изображением священного дерева и стоящих перед ним фантастических крылатых львов с рогами и с хвостами скорпионов. Позади львов помещены крылатые божества с птичьими головами, которым на ассирийских памятниках надлежало находиться непосредственно около дерева. По стилю и характеру изображений эта пластинка весьма близка к золотым ножнам Келермесского и Мельгуновского курганов. Характерное по своей форме священное дерево, фантастическое изображение животного и обрамляющий орнамент в виде плетенки особенно подчеркивают связи предметов из клада у Саккыза с этой группой памятников скифского искусства. Золотая рукоятка келермесской секиры находит себе аналогию в круглой серебряной пластине из клада, украшенной характерным листовидным орнаментом, распространенным в урартском искусстве, фигурками скорченных, с сильно подогнутыми ногами животных, разнообразно представленными на рукоятке келермесской секиры. Совершенно исключительный интерес представляет обломок золотого пояса из клада, со своеобразной орнаментальной разделкой поля, характерной для группы урартских поясов, найденных в Закавказье¹, и с чисто скифской фигурой оленя. Подобная же фигура оленя помещена на боковых выступах ножен из Келермесского и Мельгуновского курганов. Находки на Кармир-блуре, в частности, обломки бронзовых поясов, дали целый ряд орнаментальных элементов, особенно изображения священных деревьев, связывающих указанную группу скифских памятников с древневосточным искусством². Изображения таких же деревьев на золотой пластинке и пекторали из Саккызского клада хорошо дополняют приведенные сопоставления. Место находки клада, а именно в Иранском Курдистане, на территории древней страны Мана, представляет также значительный интерес. По ассирийским источникам времени Асархаддона известно, что в стране Мана находились киммеры и скифы, повидимому, с вождем которых Асархаддон вел переговоры. В имени этого вождя, переданного в клинописи как Бартатуа, можно узнать Протогия греческих источников, сын которого, Мадий, по сведениям Геродота, в решительный момент привел скифские войска к стенам Ниневии. В текстах-оракулах Асархаддона ассирийский царь спрашивал бога Шамаша об исполнении замыслов скифских отрядов, находящихся в странах Мана, которые через перевалы страны Хубушкиа могут выйти к границам Ассирии. Среди табличек Ниневийского архива имеется донесение Белушезиба Асархаддону, в котором рассказывается о пребывании киммеров в стране Мана и говорится о необходимости укрепления перевалов для защиты Ассирии от нападения врагов³. Из тех же ассирийских источников нам из-

¹ Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 313.

² Кармир-блур, I, стр. 89.

³ Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 297—298.

вестно, что Асархаддона тревожили также «замыслы Урсы (Русы), правителя Урарту», т. е. Русы, сына Аргишти, с чьим именем связано усиление значения Тейшебаини, как урартского административного центра в Закавказье.

Раскопки на Кармир-блуре красноречиво свидетельствуют о связи скифов с урартами во время жизни города Тейшебаини. Они наглядно иллюстрируют взаимоотношения урартов с киммерами, скифами и другими кочевыми племенами, которых ассирийские тексты называют «умман-манда». Это союз особенно беспокоил ассирийских царей и о нем упоминает Ашурбанипал в собственноручно написанном им гимне богу Ашуру. Союз урартов и «умман-манда» имел исключительное значение в политической обстановке Передней Азии, приведшей в конце VII в. до н. э. Ассирийское государство к гибели.

Хроника вавилонского царя Набупаласара, перечисляющая события его правления в период с 616 по 619 гг. до н. э., рассказывает о последних годах существования Ассирии и о падении в 612 г. до н. э. Ниневии. Из текста хроники видно, что исход осады Ниневии вавилонскими и мидийскими войсками был решен появлением отрядов «умман-манда», которых Геродот (1,103) называл большим скифским войском.

Армянская историческая традиция к этому времени, т. е. ко времени падения Ниневии, относит и первого армянского царя Паруйра, сына Скайорди, оказавшего «немалую помощь мару Варбаку, который отнял у Сарданапала его царство»¹. Мне уже приходилось защищать историческую достоверность элементов рассказа об армянском князе Паруйре, жившем при Ашурбанипале, который назван Сарданапалом, собирательным именем последних ассирийских царей, употребляемым античными писателями. Этот армянский князь, названный сыном Скайорди, оказал якобы помощь мидийцу Варбаку, повидимому, одному из военачальников Киаксара, и за это получил царский венец. Рассказ о помощи князя, а не царя одной из мелких стран Передней Азии (возможно, князя страны Арме, которая с прибавлением обычного в урартском языке суффикса страны получает форму Арме-ни, упоминаемой в надписи Сардури, сына Аргишти) вполне согласуется со сведениями хроники Набупаласара и Геродота о приходе «умман-манда» или скифов к стенам осажденной Ниневии. Среди «умман-манда» мог быть также отряд воинов из страны Арме с их начальником, который в армянской исторической традиции получил имя Паруйра, сына Скайорди. Заслуживает особого внимания имя его отца, означающее в переводе «сын исполина» или «сын скифа». И не следует удивляться, если окажется, что Скайорди было первоначально совсем не именем отца князя, а прозвищем самого Паруйра, которое следует понимать как «принадлежащий к скифам», т. е. отрядам «умман-манда».

Раскопки на Кармир-блуре открывают нам жизнь урартского адми-

¹ Моисей Хоренский, История Армении, кн. 1, гл. 21.

административного центра, современника этих крупнейших событий в истории Передней Азии, завершившихся гибелью некогда могущественного Ассирийского царства. Последний период истории древневосточных государств Передней Азии, т. е. рубеж VII и VI вв. до н. э. представляет для нас исключительный интерес и в том отношении, что именно в это время особенно усилился процесс выделения из царства Урарту отдельных стран, входивших в его состав, и образования новых союзов, на основе которых начал складываться армянский народ. Раскопки крепости последнего периода истории урартского царства Тейшебаини дают нам возможность изучить интереснейшие заключительные страницы истории государств древнего Востока Передней Азии, а также попытаться выявить те новые силы, которые пришли им на смену.

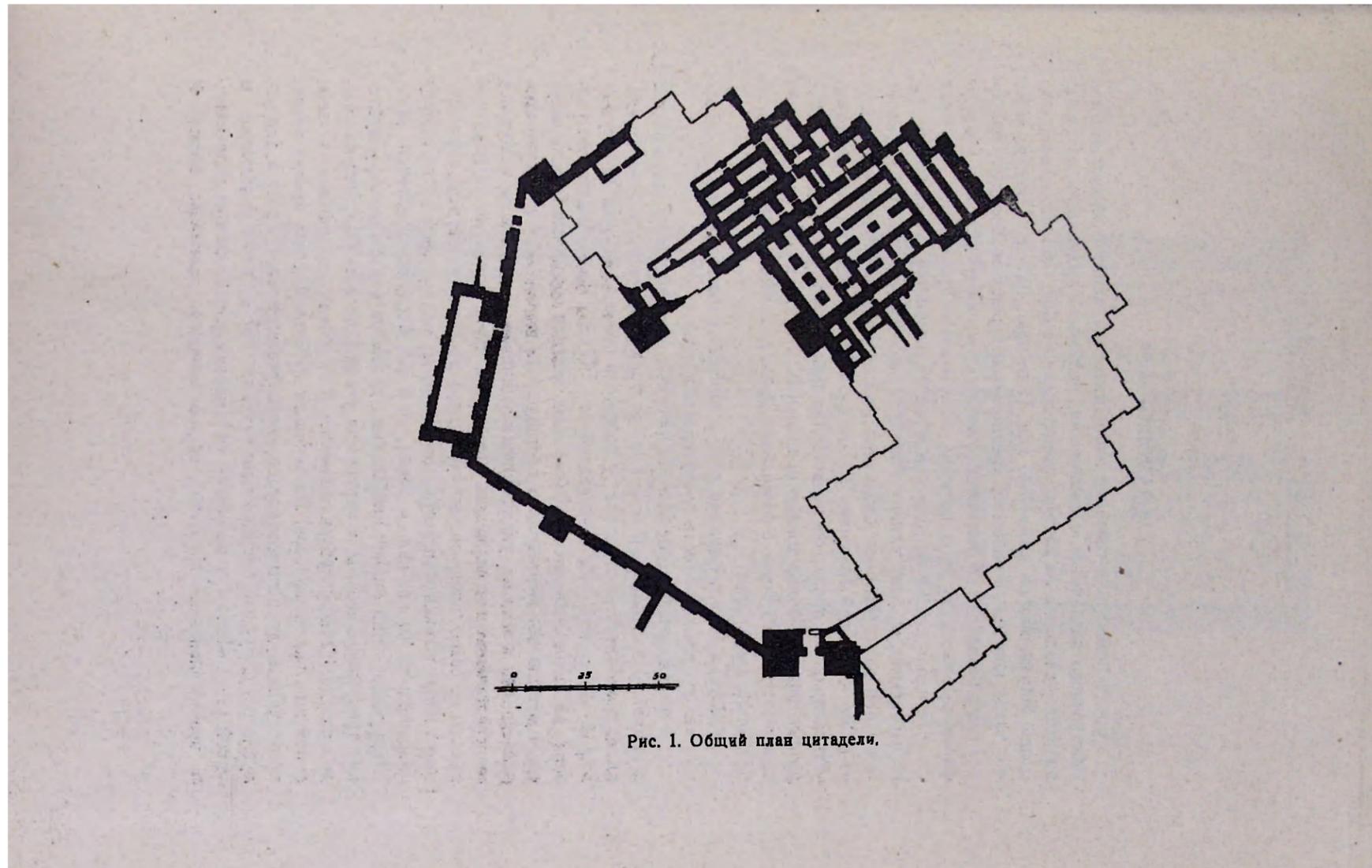


Рис. 1. Общий план цитадели.